

К творчеству через науку

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Современникам не всегда дано угадать, кому из огромного числа людей, разделивших с ними время жизни, суждено остаться в истории. Зависит это не от занимаемой должности, а только от того, насколько талантлив, неповторим, щедр и востребован эпохой сам человек.

Поэт-песенник Лев Ошанин в исторической памяти Рыбинска останется наверняка — даже если бы написал только одну песню о Волге — веселую, раздольную, полную любви и гордости. Она стала не только символом своего времени, но почти гимном советской России. И вопреки предостройке, азартно уничтожившей всё, что было связано с советским временем, в Рыбинске поставили Ошанину памятник: у этого города всегда своя логика жизни.

Фигура поэта на волжской площадке не просто «прижилась», а стала одним из символов Рыбинска. Бронзовый венец Волги появился на свет благодаря редкому мастерству преподавателя Рыбинской авиационной академии, кандидату технических наук Владимиру Изотову.

Неловко без пяти минут ректора наук называть самоклячкой, но художественному емкостью его никто не учил, все тонкости этого сложнейшего процесса освоил сам. Кажется, Изотову тоже суждено остаться в истории города, и не столько потому, что подарил Рыбинску этот скромный, «домашний» символ, сколько потому, что относится к той категории людей — неравнодушных, деятельных, талантливых, на которых и держатся города.

— О человеке, который умеет работать с металлом, говорят: «его железо любит». Вас железо «любит»?

— Я бы сказал по-другому. Есть люди, которые боятся металла. Раньше кузнецов считали колдунами. Они знали секреты железа, умели допривориться со стихией огня. Кидкий металл — это серьёзно. Но если все делать как надо, металл никогда не подведёт.

— Все промыслы всегда передавались из рук в руки. Кажется, что вместе с техническими умениями учитель передавал ученику и нечто неуловимое, что делает мастера мастером. От кого ваши руки пришли мастерство?

— Если вспоминать всю жизнь, то, наверное, от деда. В детстве был не садиковым ребёнком. Не болел, мне просить было там скучно, и я орал нагим матом. Отец как-то приехал ко мне на дачу, я вылез — ботинки не на ту ногу, рубашка задом наперёд. Он меня забрал, и с тех пор я жил у бабушки и деда. Макар Изотович Изотов — так звали деда — был уникальным человеком. У меня хранится документ о том трудовом стаже, где написано, что с пяти лет он работал подпаском. Дед умел всё: сам построил дом в Рыбинске, своими руками сделал всю мебель, подшивал валенки, чинил сапоги, чинил обувь. Мерак учил всему, что умел сам. Одно время работал в литейном цехе литейщиком, делал разовые заказы. Так что и ручей, и интерес к литью — от деда, у которого все образованное было — один класс.

— Случай это был некрасивый. В деревне Волково оторвали на памятной плите у фамилии Блюхера три первые буквы. К нам обратилась Наталья Анатольевна Лобанова из департамента культуры — мы выпилили формы и отлили недостающие буквы. Потом

у нас сейчас есть сварка — тогда её не было. Процесс изготовления фигуры упрощается. Конечно, швы видно, но на большой фигуре это не бросается в глаза. Ошанин у нас получился несколько доморощенный, но, кажется, к нему в городе привыкли.

Фото Сергея МЕТЕЛЦЫ

— Вы прокладывали свой путь к литью через науку. Как это происходило?

— Начинать работу инженером при кафедре литейного производства. Раньше каждому предприятию государство выделяло деньги на научные исследования, если их не освоить, они уйдут. Поэтому с институтом заводы заключали договоры на научные работы. У нас был большой объём таких договоров. В денежном выражении это было больше, чем средства, которые шли на обучение. Но сам инженер и научный сотрудник получали копейки. Я начинал со 115 рублей. Жить было буквально не на что. 13 лет всей семьёй летом ездили работать в пионерские лагеря. В институте тогда оставались только те, кто был уверен, что со временем сможет защититься. Я занимался наукой, работал с разными металлами. Улучшить свойства металла можно, изменив его структуру. Над этим учёные и раньше работали, только не называли нанотехнологиями. Просто говоря — это когда я могу управлять молекулой, присоединив её куда-то, получить другое вещество. Например, сделать бронеполитилен. Сомневаясь, что сейчас кто-нибудь этими возможностями обладает. Мы потеряли в науке лет шесть. Надо было тогда ставить конкретную задачу и оплачивать работу. Но в 90-е годы начался развал высшей школы. Научные исследования закрылись, надо было просто выживать. Вот тогда мы и стали заниматься художественным литьём. Начинать с безделушек, с подсвечников. А потом волей случая начали делать и другие вещи.

— А что это был за случай?

украли плиту у памятника Батову — снова сами рисунки делали и отливали. После Батова «пострадал» памятник Харитонову: у фигуры отвинтили саблю. Мы и поныне затыкаем всевозможные дырки. Весной было ЧП городского масштаба — бомжи позарились на Вечный огонь. Звезду не взяли, они её откатали и бросили. А форсунку укатали. Мне принесли чертёж, надо было срочно делать. В общем, 9 Мая огонь горел. Когда мы с ребятами восстановили лестницу в своём родном институте, за которую надо было бы заплатить огромные деньги, ректор дал добро на открытие лаборатории художественного литья при кафедре.

— Вы как-то быстро перешли с подсвечников и латания дыр на большие формы. Как родилась идея поставить памятник Льву Ошанину?

— Я люблю историю, люблю Рыбинск. Ведь места-то это древние — старше Ярославля. Здесь через Усть-Шексню проходил путь из варягов в греки. На Волге всегда стояли корабли, был перевоз. Я мечтал поставить на Волге памятник русскому человеку, который на этом перевозе встречал и греков, и персов, и финнов, и кого хочешь. Но к нам обратились с просьбой отлить памятник Ошанину, вот он здесь и встал.

— А каким способом отливки пользовались?

— Старинный способ отливки памятника очень сложен и трудоёмок. Сначала роют яму, затем её обкладывают гипсом. Гипс снимается, на него накладываются полоски воска, потом приклеивают каналы, где металл пойдёт, и каналы, где газ будет выходить. Потом заливается металл. Но

— А какие ещё заказы поступают в вашу лабораторию?

— Сделали винтовую лестницу в Дом союзов Москвы, там она и стоит. Гордимся этим. Есть отливки — части паникадила в храме Христа Спасителя. Выполняем декоративные интерьерные вещи для Рыбинска, Вологды, Ярославля. Я пытался обратиться в администрацию — что-то сделать к тысячелетию Ярославля. Но пока никаких предложений нет.

— Кроме того, что художественное литьё помогло пережить трудные времена кафедре, какая от него ещё польза академии?

— Ребята, которые поработали с металлом, умеют принимать решение. Это очень важно для любого специалиста — принимать решение и нести за него ответственность. Кафедра может приносить академии хороший доход. В Московском институте стали и сплавов, при котором организовано небольшое литейное производство, этот доход исчисляется суммой в семь миллионов рублей.

Думаю, что со временем восстановятся связи кафедры с заводами. Мы в состоянии разработать технологию литья, приготовить оснастку для получения отливки, выполнить по ней образец. Если эти связи вернутся, наша работа приобретет смысл.

— Вам пришлось учиться литью по книгам. А есть кому теперь передавать из рук в руки мастерство, как это было раньше?

— У нас на кафедре пять молодых сотрудников. И я точно могу сказать, что литьё мы не завалим. Даже если я уйду сейчас, меня уже есть кому заменить.

Марина ШИМАНСКАЯ.